

07.00.02. Отечественная история

УДК 908

DOI 10.22311/2074-1529-2024-20-3-165-180

А. Н. Такова

Институт гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра
Российской академии наук, г. Нальчик

МУСУЛЬМАНСКИЕ ПРАЗДНИКИ В ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ¹ КАБАРДИНО-БАЛКАРСКОГО СОЦИУМА В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

ТАКОВА Александра Николаевна —

канд. ист. наук, ст. науч. сотр. сектора новейшей истории.

Институт гуманитарных исследований

Кабардино-Балкарского научного центра РАН

(360000, Россия, КБР, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18).

E-mail: sanatakova@yandex.ru

Аннотация: В статье рассматриваются роль и место мусульманских праздников в повседневной жизни населения Кабардино-Балкарии в советский период. Объясняется повышенное внимание органов власти к праздничной культуре в целом. Делается вывод о том, что в советский период праздник как феномен духовной культуры стал своего рода инструментом для конструирования и поддержания в социуме актуальных для текущего исторического момента ценностно-смысловых конструктов. Анализируются причины либерального отношения местных властей к религиозным

¹ Повседневная жизнь, или повседневность, — понятие ряда социальных наук, означающее «целостный социокультурный жизненный мир, представляющий в функционировании общества как «естественное», самоочевидное условие человеческой жизнедеятельности». (См.: Новая философская энциклопедия: в 4 т. / под. ред. В. С. Степина, М.: Мысль, 2001. [Электронный ресурс] // URL: <http://philosophy.niv.ru/doc/encyclopedia/new-philosophical/articles/1120/povsednevnost.htm> (дата обращения: 07.07.2024).

праздникам в довоенные советские десятилетия, то есть в период наиболее жестких и последовательных гонений на религию. Также рассматривается использование религиозной составляющей, в том числе религиозных праздников, в политике немецко-фашистских оккупационных властей. На основе анализа архивных материалов исследуются особенности проведения основных мусульманских религиозных праздников в Кабардино-Балкарии в 40–80-е гг. XX в. Делается вывод о том, что, несмотря на перманентно проводившуюся атеистическую работу, часто приуроченную именно к основным религиозным праздникам, они продолжали занимать важное и прочное место в жизни субрегиона несмотря на катастрофическое падение уровня религиозной грамотности и ставшее обыденным индифферентное отношение значительной части населения к религии в целом.

Ключевые слова: праздник, ислам, идентичность, Кабардино-Балкария, атеистическая работа, религия, повседневность, социокультурное пространство.

Для цитирования: Такова А. Н. Мусульманские праздники в повседневной жизни кабардино-балкарского социума в советский период // Ислам в современном мире. 2024; 3:165–180;

DOI 10.22311/2074–1529-2024-20-3-165-180

Статья поступила в редакцию: 24.07.2024

Статья принята к публикации: 13.09.2024

Праздник относится к числу важнейших социокультурных элементов, способствующих формированию, поддержанию и репрезентации разного рода идентичностей. Трансформации ценностно-символических основ культурного пространства, происходившие с большей или меньшей интенсивностью на протяжении всего советского периода, способствовали коренным преобразованиям в повседневной жизни социума страны, в том числе в ее праздничной сфере. Это выразилось в активном внедрении в быт населения новых советских праздников, символов, ритуалов при одновременной попытке вытеснить на периферию общественной жизни те, что не вписывались в дискурс эпохи. К последним относились, в том числе, праздники религиозные.

Целью настоящего исследования является анализ роли и места религиозных праздников в повседневной жизни социума Кабардино-Балкарии в советский период, то есть в то время, когда одним из центральных идеологических столпов был государственный атеизм. Основной массив источников представлен документами, извлеченными из различных архивохранилищ, большинство из которых в научный оборот вводятся впервые. Наиболее богатый материал содержится в фондах аппаратов уполномоченных по республике за период со второй

половины 40-х годов XX в. до конца советского периода. Документы довоенного времени по рассматриваемому вопросу фрагментарны. Основными методами исследования являются анализ архивных материалов, дедукция, индукция, микроанализ, социальная психология и др. Также в работе используются ссылки на уже опубликованные документы. Некоторые аспекты рассматриваемой проблемы отражены в исследованиях М. Рольфа, А. Татарова, Д. Мотаделя, А. Некрича и др.^{1..} В настоящей статье праздники рассматриваются и как элемент культуры, и как своего рода политический инструмент, применявшийся различными акторами для воздействия на население с целью закрепления и воспроизводства актуальных для текущего исторического момента ценностно-смысловых конструктов.

Нельзя не согласиться с мнением ряда исследователей, что в советский период праздник «стал средством как интеграции, так и переформатирования сознания людей, внедрения в жизнь советских символов, ритуалов и риторики, так необходимых для того, чтобы сформировать новые ценностные установки общества»^{2.} Действительно, на всем протяжении этого периода власти страны активно воздействовали на праздничную культуру. Так, уже 29 октября 1917 г. Совет народных комиссаров (СНК), на третий день после своего создания, принял декрет «О восьмичасовом рабочем дне»³ — первый советский документ, регламентировавший отношения в трудовой сфере. В нем праздникам была посвящена отдельная статья, в которой, помимо Нового года, являвшегося праздничным и выходным днем в стране с 1898 г., и двух новых революционных праздников (27 февраля — Дня низвержения самодержавия и 1 мая — Дня Интернационала), остальные праздники были религиозными, хотя их количество по сравнению с тем, что было до революции, сократилось примерно на треть^{4.} Кроме того, в положениях декрета предусматривалась возможность на местах корректировать расписание праздничных дней, исходя из социокультурной специфики того или иного региона. «Для нехристиан, — говорилось в документе, — допускается внесение в расписание других праздников взамен воскресных, сообразно закону их веры»^{5.}

В принимавшихся в последующие годы нормативно-правовых актах, регулирующих сферу трудовых отношений, начиная с «Кодекса законов

¹ Рольф М. Советские массовые праздники. М.: РОССПЭН, 2009. 438 с.; Татаров А. А. Мусульманские праздники в политике Третьего рейха среди горцев Северного Кавказа в 1942–1944 гг. // Научный журнал КубГАУ. 2015. № 110(06); Мотадель Д. Ислам в политике нацистской Германии 1939–1945 гг. М.: Институт экономической политики имени Е. Т. Гайдара, 2020. 416 с.; Некрич А. М. Наказанные народы. Нью-Йорк: Хроника, 1978. 173 с.

² Рольф М. Советские массовые праздники. М.: РОССПЭН, 2009. С. 112.

³ Декрет о восьмичасовом рабочем дне (полный текст) [Электронный ресурс] // URL: <https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/5306/> (дата обращения: 07.07.2024).

⁴ Там же.

⁵ Там же.

о труде» от 10 декабря 1918 г., в перечень государственных праздничных и выходных дней религиозные праздники уже не включались. Видимо, подобным образом воплощался в жизнь Декрет об отделении церкви от государства и школы от церкви от 20 января 1918 г. Однако их присутствие в повседневной жизни общества продолжало оставаться вполне легальным. Это оказалось возможным благодаря правовым лазейкам, имевшимся в документах такого рода. К примеру, в «Кодексе законов о труде» РСФСР от 30 октября 1922 г. говорилось, что «...отделы Труда по соглашению с губернскими советами профессиональных союзов устанавливают, помимо указанных... праздничных дней, особые дни отдыха, не свыше десяти в год, согласуя эти дни с местными условиями, составом населения, народными праздниками и т.п.»¹. Правда, количество подобных местных праздничных дней постепенно сокращалось. Так, по Кодексу 1918 г. их могло быть до 10. При этом оговаривалось, что они являются неоплачиваемыми и о них требовалось информировать заранее через печатные органы². В Кодексе же 1936 г. их допустимое количество сокращалось до 6³. А в Кодексе законов о труде 1971 г. — последнем подобного рода документе советского периода, данная норма и вовсе отсутствовала.

Указанную правовую лазейку власти Кабардино-Балкарии в довоенные советские десятилетия использовали регулярно и активно, о чем свидетельствуют архивные документы. К примеру, 25 июня 1925 г. ЦИК КБАО выпустил приказ, согласно которому дни мусульманского праздника Курбан-байрам (1 и 2 июля 1925 г.) объявлялись нерабочими⁴. А 15 января 1929 г. бюро Кабардино-Балкарского обкома ВКП(б) установило 6 дополнительных дней отдыха⁵. Все они относились к религиозным праздникам, как мусульманским, так и христианским.

На первый взгляд подобный «либерализм» властей Кабардино-Балкарии в отношении религиозных праздников контрастирует с теми процессами, которые происходили в это же время в сфере государственно-конфессиональных отношений. А они на полном основании позволяют утверждать, что довоенные советские десятилетия, а, в контексте рассматриваемого субрегиона особенно вторая половина 20-х — 30-е годов XX в., были крайне сложными. Именно в течение этого времени активно реализовывался комплекс мероприятий, как непосредственно, так и опосредованно направленных на максимальный подрыв позиций религии.

Подобный антирелигиозный крен был вполне закономерен. Религия, тесно вплетенная в Кабардино-Балкарии в самые различные сферы,

¹ Кодексе законов о труде» РСФСР от 30 октября 1922 г. [Электронный ресурс] // URL: https://nnov.hse.ru/ba/law/igpr/sov_gos/kodekstr_22 (дата обращения: 07.07.2024).

² Там же.

³ Кодекс законов о труде с изменениями до 1 октября 1936 г. М.: Советское законодательство, 1936. С. 45

⁴ УЦГА АС КБР Ф. Р-134. Оп. 1. Д. 36. Л. 7.

⁵ УЦДНИ АС КБР. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 85. Л. 12

начиная от судопроизводства и заканчивая образованием, создавала объективные условия, препятствовавшие унификации социально-политического пространства субрегиона, что в широком смысле тормозило процесс его советизации. В связи с этим к середине 20-х годов XX в. в Кабардино-Балкарии началось активная «зачистка» этнокультурного пространства от компонентов, не согласующихся с новыми советскими ценностно-смысловыми конструктами. К их числу относилась и религия.

На практике это выражалось весьма разнообразно. Так, с середины 20-х годов XX в. принимались меры по закрытию культовых зданий и их перепрофилированию под светские нужды. В результате этого к началу Великой Отечественной войны по некоторым источникам в республике не осталось ни одной легально действующей мечети¹. В ряде источников, правда, отмечалось, что к началу 40-х годов XX в. в Кабардино-Балкарии все еще «функционировали и были юридически оформлены 36 мечетей»². Однако даже последняя цифра все равно свидетельствует о том, что за рассматриваемый период в субрегионе имело место их массовое закрытие. По состоянию на 1917 г. здесь действовало 157 мечетей, 19 церквей и часовен³. Опосредованным, а нередко и непосредственным притеснениям подвергалось местное духовенство, его социальный функционал значительно сужался. К январю 1925 г. в КБАО были закрыты шариатские суды, к концу 1926 г. — религиозные школы. За несколько лет до этого национальная письменность была переведена с арабской на латинскую графическую основу.

Давление на религию в Кабардино-Балкарии заметно усилилось еще и ввиду имевших место здесь в конце 20-х — начале 30-х годов XX в. массовых крестьянских волнений, ставших своего рода ответом на проведение форсированных непопулярных экономических преобразований. При этом в идеологии восставших крестьян присутствовала ярко выраженная религиозная составляющая. Так, наряду с требованиями о расформировании колхозов и отмене насильственных хлебозаготовок звучали призывы открыть при каждой мечети медресе, установить власть народа по шариату и пр., которые в контексте происходивших событий приобретали отчетливое политическое звучание. Вследствие этого исламская религия в Кабардино-Балкарии официально стала рассматриваться как часть идеологии классовых врагов советской власти, а сами крестьянские волнения на протяжении всего советского периода трактовались исключительно как «антисоветские выступления, организованные и спровоцированные кулаками и реакционным духовенством»⁴.

¹ УЦГА АС КБР. Ф. Р-780. Оп.1. Д. 110. Л.148.

² Емельянова Н. М. Мусульмане Кабарды. М.: Граница, 1999. С. 72–73.

³ УЦГА АС КБР. Ф. Р-780. Оп.1. Д. 110. Л. 148.

⁴ История Кабардино-Балкарской АССР / под ред. Г. Х. Берикетова. Т. 2. М.: Наука, 1967. С. 160.

Параллельно с этими процессами в области ширилась антирелигиозная работа. Для нее было характерно чтение лекций и проведение бесед, опубликование разоблачающих статей и заметок, создание и распространение антирелигиозных агитационных материалов и пр. Так, к примеру, на заседании бюро Кабардино-Балкарского обкома ВКП(б) 15 мая 1928 г. был утвержден развернутый план антирелигиозной работы из 22 пунктов¹. В нем предписывалось приступить к организации местного «Союза безбожников», «придав этой работе массовый характер»² и широкий охват с включением в его ряды беспартийных крестьян и особенно женщин³, в газете «Карахалк» регулярно освещать вопросы религиозно-бытового характера «с целью антирелигиозной пропаганды»⁴, «включить в издательский план выпуск антимусульманской антирелигиозной литературы на кабардинском и балкарском языках»⁵. В этом же документе содержался перечень указаний, которые должны были в обязательном порядке выполняться при проведении антирелигиозной работы. В частности, предписывалось делать акцент на классовый сущности религии, «разоблачать противонаучный характер религиозных представлений», бороться с попытками «духовенства к отождествлению коммунизма с исламом»⁶ и пр. Данную работу рекомендовалась активизировать именно в преддверии религиозных праздников.

Конечно, предписания о ликвидации мечетей и медресе, а также масштабные планы по антирелигиозной работе далеко не всегда на местах выполнялись строго и неукоснительно. В данной деятельности всегда имели место попустительство и формализм, о чем органы власти Кабардино-Балкарии были осведомлены. Однако именно ввиду отсутствия выраженной заинтересованности в конечном результате этой работы, ощутимых изменений в религиозной сфере, в том числе в ее праздничной составляющей, в довоенный период не произошло. Религия в Кабардино-Балкарии в предвоенные советские десятилетия, таким образом, продолжала оставаться важным элементом идентичности населения, а религиозные праздники, соответственно, продолжали масштабно присутствовать в его повседневной жизни. Органы власти Кабардино-Балкарии, в свою очередь, несмотря на принимаемые и реализуемые активные меры по борьбе с так называемыми религиозными «пережитками» и в целом постулируемое отрицательное отношение к религии как таковой, вынуждены были идти на определенный компромисс с населением. В связи с этим религиозные праздники, даже

¹ УЦГА АС КБР Ф. 1. Оп. 1. Д. 71. Л. 164–167.

² Там же. Л. 164

³ Там же. Л. 166

⁴ Там же. Л. 165

⁵ Там же. Л. 165

⁶ Там же. Л. 167.

в периоды наиболее интенсивных гонений на религию, местными властями не только допускались, но и официально объявлялись выходными днями.

Период Великой Отечественной войны, как известно, стал временем значительных изменений в государственной конфессиональной политике, лейтмотивом которых была определенная, хотя и ограниченная либерализация отношения властей к религиозной сфере в целом. Более того, религия в эти годы нередко использовалась руководством страны в качестве своего рода инструмента, способствующего достижению вполне определенных, актуальных на текущий момент политических целей. Так, посредством апеллирования к религии возбуждались патриотические настроения, происходила сакрализация войны, внедрялись социально одобряемые установки на самоотверженное исполнение гражданского долга, приравнивающегося к высокому священному служению, получали оправдание неизбежные тяготы и потери и пр. Необходимо отметить, что к религии в период войны активно апеллировала также и немецкая сторона. В этом отношении ярким примером является деятельность немецко-фашистской администрации в период оккупации республики, когда религиозным праздникам отводилась значительная роль.

К середине 1942 г. линия фронта вплотную подошла к Кабардино-Балкарии. К августу 1942 г., после тяжелых оборонительных боев, большая часть ее территории была оккупирована противником. Оккупация продлилась до первой декады января 1943 г. В течение этого периода немецко-фашистская администрация, посредством всех имеющихся у нее в арсенале агитационно-пропагандистских средств, последовательно и упорно внедряла в сознание местных жителей идею о том, что новая власть «соответствует интересам самих кавказских народов»¹. Целью такой деятельности было достижение лояльности местного населения по отношению к оккупационным властям. Для этого активно использовалось обращение к национальным и религиозным чувствам масс. На практике это выражалось в повсеместном открытии культовых зданий, поощрении религиозной активности населения, восстановлении в должности мулл, которые наделялись широкими полномочиями и получали солидное денежное содержание и пр. В целом немецко-фашистской администрацией в религиозной сфере активно велась работа, разительно контрастировавшая с той, что осуществлялась советскими властями в предшествующий войне период.

Религиозная составляющая в деятельности фашистской администрации периода оккупации проявилась весьма рельефно еще и потому, что по времени она совпала с двумя главными мусульманскими праздниками — Ураза-байрам (9–11 октября 1942 г.) и Курбан-байрам

¹ Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками: сборник материалов / под общ. ред. Р. А. Руденко. Т. 2. М.: Юридическая литература, 1966. С. 209.

(18 декабря 1942 г.). Как уже отмечалось, в довоенный период именно к ним приурочивались основные атеистические мероприятия, проводимые властями. Потому неудивительно, что оккупационный режим, как справедливо отметил исследователь А. А. Татаров, «определил исламским праздникам особую роль в демонстрации своих “благих намерений” и пропаганде среди горцев»¹.

О том большом значении, которое оккупационные власти придавали этим праздникам, свидетельствует тот факт, что их церемонию в обоих случаях они сняли на киноплёнку. Подробно ход праздничных мероприятий в Нальчике описан в монографии Д. Мотаделя «Ислам в политике нацистской Германии 1939–1945 гг.»². Извлеченные из архивохранилищ республики документы также подтверждают, что торжества по случаю Курбан-байрама были проведены немецко-фашистскими властями с широким размахом. Например, празднование Курбан-байрама в Нальчике в декабре 1942 г. сопровождалось массовыми шествиями в центре города, народными гуляньями с раздачей угощений, джигитовкой, танцами, торжественным обменом дорогими подарками между представителями немецко-фашистской администрации и её ставленниками, а также митингами, центральной идеей которых было «освобождение Кабардино-Балкарии от большевиков»³. Представители немецкого военного командования активно участвовали в праздничных мероприятиях. На торжества по случаю Курбан-байрама в Нальчик даже специально прибыл О. Бройтигам — уполномоченный министерства оккупированных восточных территорий, выступивший с речью, в которой заверял присутствующих «в дружбе и сотрудничестве»⁴.

После снятия оккупации (январь 1943 г.) факты таких празднеств были детально проанализированы государственными органами. Ожидается, что эти мероприятия были интерпретированы ими как «массовое антисоветское сборище» и «вершины подхалимствующего раболепства перед оккупантами»⁵. Если же говорить о балкарцах, депортированных в марте 1944 г., то активное участие их в праздновании Курбан-байрама расценивалось как одно из доказательств вины⁶.

В первые послевоенные годы курс на либерализацию государственно-конфессиональных отношений в целом был продолжен. В этот период были приняты меры, позволявшие верующим официально регистрировать религиозные объединения, атеистическая работа стала осу-

¹ Татаров А. А. Мусульманские праздники в политике Третьего рейха среди горцев Северного Кавказа в 1942–1944 гг.

² Мотадель Д. Ислам в политике нацистской Германии 1939–1945 гг. С. 199–200.

³ УЦДНИ АС КБР Ф. 1. Оп. 1. Д. 1381. Л. 169.

⁴ УЦГА АС КБР Ф. Р-290. Оп. 1. Д. 12. Л. 22.

⁵ Чекисты Кабардино-Балкарии: сборник / под ред. А. Ж. Губашиева. Нальчик: Эльбрус, 1987. С. 102.

⁶ Некрич А. М. Наказанные народы. Нью-Йорк: Хроника, 1978. С. 60.

ществуя в более мягкой и корректной форме и т.д. Однако другой тенденцией послевоенного времени стало общее сокращение числа праздничных и выходных дней. Это объяснялось главным образом сложностями восстановительного периода, нехваткой у государства денежных средств на проведение каких-либо масштабных праздничных мероприятий. Так, уже в 1947 г. два новых праздничных дня — День Победы (9 мая) и День победы над Японией (3 сентября) перестали быть выходными.

В отношении религиозных праздников в этот период на государственном уровне также реализовывались меры, направленные на максимальное сокращение материальных, временных и людских затрат на их проведение. Ярким примером в этом отношении могут служить попытки снизить распространенность традиции забоя скота в Курбан-байрам, которая на фоне послевоенного восстановления народного хозяйства рассматривалась как опасная и вредная, наносящая ощутимый урон экономике. Избегая каких-либо прямых запретов, власти страны тем не менее старались минимизировать ее распространенность в основном за счет наступательной пропаганды. Эта работа с различной интенсивностью велась так или иначе вплоть до конца советской эпохи.

В Кабардино-Балкарии, где обычай забоя скота на Курбан-байрам был весьма распространен, также принимались активные меры по борьбе с ним. К примеру, в документе за 1947 г. сообщалось, что руководство одного из колхозов республики было обвинено в раздаче государственного скота в дни этого праздника¹. «Руководство колхоза им. Ч-ва, — говорилось в документе, — вместо проведения решительной борьбы с остатками пережитков прошлого в сознании колхозников, сами стали пособниками соблюдения старых религиозных обрядов уничтожения скота в дни “коран-байрама”»². В 1948 г. было издано распоряжение о срочной командировке в колхозы республики районного и партийного актива для предотвращения массового забоя скота в связи с наступлением мусульманского праздника Курбан, «что могло поставить под угрозу выполнение государственного плана развития животноводства в республике»³.

В последующие годы в преддверии Курбан-байрама по республике стали проводиться массово и практически одновременно разного рода мероприятия, направленные на борьбу с обычаем забоя скота — лекционная пропаганда на местах, наполнение информационного пространства публикациями из серии «Курман⁴ — вредный пережиток

¹ УЦДНИ АС КБР Ф. 1. Оп. 1. Д. 1710. Л. 44–45.

² Там же. Д. 1710. Л. 44.

³ Там же. Д. 114. Л. 61.

⁴ Такой вариант названия праздника распространен в разговорной речи населения рассматриваемого субрегиона, используется в материалах местной публицистики и в большинстве архивных документов.

прошлого» и пр. Практическая значимость подобным образом построенной работы была невысока и на распространенность данного обычая не влияла. Однако в субрегионе именно она стала, пожалуй, одним из главных элементов атеистической работы в целом.

Сведения о количестве забитого в республике на Курбан-байрам скота в обязательном порядке присутствовали в ежегодных отчетах уполномоченных. Так, к примеру, в отчете за 1958 г., то есть в разгар так называемой хрущевской антирелигиозной кампании, сообщалось: «...ориентировочно количество мрс [мелкого рогатого скота], забитого в дни Курмана, в целом по республике составляет около 5 тыс. голов, крс [крупного рогатого скота] около 100–150 голов»¹. В этом же документе содержались интересные сведения, характеризующие масштабы распространенности данного обычая на примере одного из крупных сел республики. «В с. Кызбурун I, — говорилось в документе, — из 623 дворов мрс резали примерно в 500–550 дворах, есть семьи, которые в дни Курмана приносили в жертву до 3–4 голов овец»². В докладной записке уполномоченного за 1959 г. количество забитого скота оценивалось в 10 тыс. голов³. Кроме того, сообщалось об имевших место фактах массовых общественных молитв⁴. В отчете за 1961 г. отмечалось, что «во время проведения религиозного праздника “Курман” по республике забито 8 тыс. голов мелкого рогатого скота»⁵. В докладной записке за 1963 г. также фигурировала цифра 8 тыс. голов скота, забитого на Курбан-байрам⁶. В документах последующих лет количество забитого скота оценивалось также в пределах 5–8 тыс. голов. Таким образом, анализ имеющихся документов позволяет сделать вывод о том, что обычай забоя скота на праздник Курбан-байрам в республике, несмотря на проводимую борьбу и перманентную критику, продолжал прочно присутствовать в повседневной жизни населения в общественно значимых, причем стабильных, масштабах.

Обращает на себя внимание исключительная устойчивость данного религиозного обычая. По нашему мнению, связано это было во многом с тем, что в народном сознании обычай забоя скота на Курбан-байрам воспринимался большинством не просто как исполнение некоего религиозного предписания, а как своего рода следование определенной традиции, причем национальной. Данный тезис исключительно важен, так как свидетельствует о прочной связи в сознании большинства рядовых граждан национального и религиозного компонентов, имевшей

¹ УЦДНИ АС КБР Ф. Ф. 1. Оп. 2. Д. 1053. Л. 29.

² Там же.

³ УЦГА АС КБР. Ф.-780. Оп. 1. Д. 122 Л.5.

⁴ Там же.

⁵ УЦДНИ АС КБР Ф. 1. Оп. 2. Д. 1519. Л. 27.

⁶ Там же. Оп. 31. Д. 166. Л. 20.

место в рассматриваемый период. Красноречиво подтверждает этот тезис еще один архивный документ, в котором уполномоченный отмечает, что в республике «...многие обычаи, правила, обряды, в иных случаях не несущие в себе элементов религии, в других — имеющие религиозную основу, стали традицией и, повинуюсь этой традиции, молодого и старого, партийного и беспартийного хоронят по религиозным обрядам. В религиозный праздник Курман верующие и неверующие режут скот — такова традиция»¹. Именно такое восприятие данного обычая придавало ему исключительную устойчивость, даже несмотря на катастрофическое падение общего уровня религиозной грамотности у подавляющего большинства населения, ставшее очевидным к концу советской эпохи. В эти годы своего рода нормой стало индифферентное отношение к религиозной составляющей в целом, когда наличие веры (при том, что она воспринималась как важный элемент личной идентичности) вполне органично, бесконфликтно сосуществовало с минимальным и порой даже формальным, но тем не менее обязательным и публичным участием в самой религиозной жизни. В этот минимум в обязательном порядке входил и забой скота на Курбан-байрам. По этому поводу в документе за 1970 г., в частности, говорилось: «...необходимо отметить, что в 6 случаях из 10 скот забивают в силу устоявшейся традиции, с учетом общественного мнения и т.д.»².

Вторым по значимости религиозным праздником в республике был Ураза-байрам. В послевоенные советские десятилетия власти уделяли внимание, главным образом, борьбе с центральным, связанным с ним религиозным обычаем. Речь идет о ежегодном посте — уразе, имевшем в субрегионе также исключительно широкое распространение. Ко времени данного поста также приурочивались массовые атеистические мероприятия, направленные на борьбу с ним. В обязательном порядке ежегодно выпускались материалы разоблачительно-критического характера, имевшие практически идентичное содержание и схему подачи информации. Так, содержательная часть статей, посвященных критике обычая соблюдения поста-уразы³, строилась по типовой схеме: 1) изложение исторических причин возникновения данного обычая; 2) обоснование его использования эксплуататорскими классами для «угнетения и унижения трудящихся»⁴; 3) рассмотрение наносимого данным обычаем вреда здоровью с медицинской точки зрения; 4) упор на ущерб, наносимый им народному хозяйству: «...не кушая в течение

¹ УЦДНИ АС КБР Ф. 1. Оп. 2. Д. 212. Л. 4.

² УЦГА АС КБР Ф Р-780. Оп. 2. Д. 45. Л. 8.

³ *Сабанчиев Х.* Ураза-вредный пережиток // Кабардинская правда. 1947. 3 августа; *Шоров Ч.* Ураза — вредный пережиток // Кабардинская правда. 1948. 20 июля; *Дзагудов М.* Ураза — вредный пережиток прошлого // Кабардинская правда. 1949. 28 июня, и др.

⁴ *Сабанчиев Х.* Ураза — вредный пережиток // Кабардинская правда. 1947. 3 августа.

дня, колхозники истощаются, снижают производительность труда, не выполняют норм. Это ведет к срыву полевых работ, к снижению богатства колхоза и, стало быть, к снижению материального благосостояния колхозников»¹. В завершение такого рода статей всегда делался вывод о том, что «с каждым годом количество соблюдающих уразу становится все меньше и меньше... ее соблюдает очень незначительное количество людей главным образом из числа стариков и наиболее отсталых в культурном отношении граждан»².

Однако подобные выводы, содержащиеся в публицистических материалах, часто не согласовывались со сведениями по данному вопросу уполномоченных. А они свидетельствовали о том, что, несмотря на перманентную критику обычая, соблюдение поста-ураза в республике имело широкое распространение, причем в том числе в молодежной среде, и стабильно присутствовало в повседневной жизни социума в целом.

Интересно отметить, что аппаратом уполномоченных не только фиксировался факт его массового присутствия, но иногда и исследовался вопрос о причинах его укорененности и отсутствия тенденций к снижению даже в среде молодежи. В архивных материалах, к примеру, содержатся результаты социологического опроса за 1965 г. По его результатам был сделан вывод о том, что большинство представителей молодежи держат пост, так как «следуют примеру старших из чувств почитания последних»³. В подтверждение в документе за 1967 г. по этому поводу говорилось, что «многие молодые женщины, особенно в семьях, где есть старики, держат уразу и оправдываются тем, что не может молодая не поститься, когда уразу соблюдают старики в доме»⁴. Данные факты свидетельствуют в большей степени о массовом следовании определенному стереотипному коллективному поведению, а также продолжавшей исправно функционировать межпоколенческой религиозной трансмиссии, благодаря которой основы религиозных представлений и связанные с ним шаблоны ситуативного поведения транслировались из поколения в поколение. Данная тенденция в целом продолжала существовать вплоть до конца советского периода.

Таким образом, религиозные праздники в Кабардино-Балкарии на протяжении всего советского периода перманентно и широко присутствовали в повседневной жизни ее жителей, являясь значимым элементом духовной культуры. Посредством участия в данных праздниках и связанных с ними ритуалах социум осознавал и манифестировал свою принадлежность к определенной, в данном случае религиозной, целостности, что способствовало поддержанию в социуме субрегиона

¹ Дзагулов М. Ураза — вредный пережиток прошлого // Кабардинская правда. 1949. 28 июня.

² Шоров Ч. Ураза — вредный пережиток прошлого // Кабардинская правда. 1952. 28 мая.

³ УЦДНИ АС КБР Ф. 1. Оп. 31. Д. 166. Л. 20.

⁴ УЦГА АС КБР Ф. Р-780. Оп. 2. Д. 30. Л. 73.

определенного, но при этом стабильного уровня религиозности. Это в свою очередь способствовало укреплению позиций религии, которая, несмотря на перманентно проводившуюся на протяжении всего советского периода атеистическую работу, занимала в духовной культуре рассматриваемого субрегиона прочное положение.

Литература

Дзагудов М. Ураза — вредный пережиток прошлого // Кабардинская правда. 1949. 28 июня.

Емельянова Н. М. Мусульмане Кабарды. М.: Граница, 1999. 142 с.

История Кабардино-Балкарской АССР / под ред. Г. Х. Берикетова. Т. 2. М.: Наука, 1967. 439 с.

Кодекс законов о труде РСФСР от 30 октября 1922 г. // Собрание узаконений и распоряжений. № 70. Кодекс законов о труде. М., 1922.

Кодекс законов о труде с изменениями до 1 октября 1936 г. М.: Советское законодательство. 1936. 208 с.

Мотадель Д. Ислам в политике нацистской Германии 1939–1945 гг. М.: Институт экономической политики имени Е. Т. Гайдара, 2020. 416 с.

Некрич А. М. Наказанные народы. Нью-Йорк: Хроника, 1978. 173 с.

Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками: сборник материалов / под общ. ред. Р. А. Руденко. Т. 2. М.: Юридическая литература, 1966. 800 с.

Рольф М. Советские массовые праздники. М.: РОССПЭН, 2009. 438 с.

Сабанчиев Х. Ураза — вредный пережиток // Кабардинская правда. 1947. 3 августа.

Татаров А. А. Мусульманские праздники в политике Третьего рейха среди горцев Северного Кавказа в 1942–1944 гг. // Научный журнал КубГАУ. № 110(06). 2015. С. 592–607.

Управление Центрального государственного архива Архивной службы Кабардино-Балкарской республики (УЦГА АС КБР). Ф. 1. Оп. 1. Д. 71; Ф. Р-134. Оп. 1. Д. 36. Ф. Р-290. Оп. 1. Д. 12; Ф. Р-780. Оп. 1. Д. 110, 122; Оп. 2. Д. 30, 45.

Управление Центра документации новейшей истории Архивной службы Кабардино-Балкарской республики (УЦДНИ АС КБР). Ф. 1. Оп. 1. Д. 1381, 1710; Ф. 1. Оп. 2. Д. 212, 1053, 1519; Ф. 1. Оп. 31. Д. 166; Ф. 4. Оп. 1. Д. 114; Ф. П 1. Оп. 1. Д. 85.

Чекисты Кабардино-Балкарии: сборник / под ред. А. Ж. Губашиева. Нальчик: Эльбрус, 1987. 226 с.

Шоров Ч. Ураза — вредный пережиток // Кабардинская правда. 1948. 20 июля.

Шоров Ч. Ураза — вредный пережиток прошлого // Кабардинская правда. 1952. 28 мая.

References

Chekisty Kabardino-Balkarii. Sbornik pod red. A.ZH. Gubashieva. [Security officers of Kabardino-Balkaria. Collection edited by A. Z. Gubashiev] (1987). Nal'chik: El'brus Publ. 226 p.

Department of the Center for Documentation of Modern History of the Archival Service of the Kabardino-Balkar Republic. Fund 1. List 1. File 1381, 1710; Fund 1. List 2. File 212, 1053, 1519; Fund 1. List 31. File 166; Fund 4. List 1. File 114; Fund P 1. List 1. File 85.

Department of the Central State Archive of the Archival Service of the Kabardino-Balkar Republic. Fund 1. List 1. File 7; Fund P-134. List 1. File 36; Fund P-290. List 1. File 12; Fund P-780. List 1. File 110,122; List 2. File 30, 45.

Dzagudov M. (1949). Uraza — vrednii perejitok proshlogo [Uraza is a harmful relic of the past]. *Kabardinskaya pravda*. 28 June.

Emel'yanova N.M. (1999). *Musul'mane Kabardy* [Kabarda Muslims]. Moscow: Granica Publ. 142 p.

Istoriya Kabardino-Balkarskoj ASSR [History of the Kabardino-Balkarian ASSR] (1967). Edited by G. H. Beriketov. Moscow: Nauka Publ. 439 p.

Kodeks zakonov o trude RSFSR ot 30 oktyabrya 1922 g. [The Labor Code of the RSFSR of October 30, 1922] (1922).

Kodeks zakonov o trude s izmeneniyami do 1 oktyabrya 1936 g. [The Labor Code as amended before October 1, 1936] (1936). Moscow: Sovetskoe zakonodatelstvo Publ. 208 p.

Motadel' D. (2020). *Islam v politike nacistskoj Germanii 1939–1945 gg.* [Islam in the Politics of Nazi Germany 1939–1945.]. Moscow: Institut ekonomicheskoy politiki imeni E. T. Gajdara Publ. 416 p.

Nekrich A. M. (1978). *Nakazannye narody* [Punished peoples]. N'yu-Jork: Hronika Publ. 173 p.

Nyurnbergskij process nad glavnymi nemeckimi voennymi prestupnikami: Sbornik materialov pod obshch. red. R.A. Rudenko. [The Nuremberg trial of the main German war criminals: A collection of materials under the general editorship of R. A. Rudenko] (1966). Moscow: YUridicheskaya literatura Publ. 800 p.

Rolf M. (2009). *Sovetskie massovie prazdniki* [Soviet mass holidays]. Moscow: ROSSPEN Publ. 438 p.

Sabanchiev H. (1947). Uraza — vrednii perejitok [Uraza is a harmful relic of the past]. *Kabardinskaya pravda*. 3 August.

Shorov Ch. (1948). Uraza — vrednii perejitok proshlogo [Uraza is a harmful relic of the past]. *Kabardinskaya pravda*. 20 Jule.

Shorov Ch. (1952). Uraza — vrednii perejitok proshlogo [Uraza is a harmful relic of the past]. *Kabardinskaya pravda*. 28 May.

Tatarov A. A. (2015). Musulmanskie prazdniki v politike tretego reiha sredi gorcev Severnogo Kavkaza v 1942_1944 gg. [Muslim holidays in the politics of the Third Reich among the Highlanders of the North Caucasus in 1942–1944]. *Politematicheskij setevoy elektronnyj nauchnyj zhurnal Kubanskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta*. Vol. 2015. Iss. 110 (06). Pp. 592–607.

MUSLIM HOLIDAYS IN THE DAILY LIFE OF KABARDINO-BALKARIAN SOCIETY IN THE SOVIET PERIOD

Abstract. The article examines the role and place of Muslim holidays in the daily life of the population of Kabardino-Balkaria during the Soviet period. This explains the increased attention of the authorities to festive culture in general. It is concluded that in the Soviet period, the holiday, as a phenomenon of spiritual culture, became a kind of tool for constructing and maintaining value-semantic constructs relevant to the current historical moment in society. The reasons for the liberal attitude of local authorities towards religious holidays in the pre-war Soviet decades, that is, during the period of the most severe and consistent persecution of religion, are analyzed. The use of a religious component in the political activities of the Nazi occupation authorities, including in relation to religious holidays, is also being considered. Based on the analysis of archival materials, the features of the main Muslim religious holidays in Kabardino-Balkaria in the 40–80s of the XX century are investigated. It is concluded that, despite the permanent atheistic work, often timed specifically to the main religious holidays, they continued to occupy an important and lasting place in the daily life of the population of the subregion, despite the catastrophic drop in the level of religious literacy and the indifferent attitude of a significant part of the population to religion as a whole that has become commonplace.

Keywords: holiday, Islam, identity, Kabardino-Balkaria, atheistic work, religion, everyday life, socio-cultural space.

Alexandra N. TAKOVA,

Cand. Sci. (Hist.), senior researcher

Institute of Humanitarian Studies

Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian

Academy of Sciences, Sector of Modern History

(18, Pushkina Str., Nalchik, Kabardino-Balkarian Republic, 360000, Russian Federation)

E-mail: sanatakova@yandex.ru

